

СТИЛЬ ЭПОХИ ДАВНО ПОРА ОТПРАВИТЬ В УТИЛЬ

Алексей Чадаев

СУТЬ ДЕЛА

АЛЕКСЕЙ ЧАДАЕВ — российский журналист и общественный деятель. С июня 2010 по апрель 2011 года — руководитель политического департамента ЦИК партии «Единая Россия»; ушел с поста по собственному желанию, впоследствии объяснив свой поступок цензурой

Поток докладов, которым порадовало российское экспертное сообщество российское общество, объединяет одно: у них нет адресата. Доклады обращены к некоей абстрактной власти, которая уже давно не абстрактна. Ведь итогом трехлетней демократии явилась ситуация возникновения нескольких центров силы, находящихся относительно друг друга в ситуации баланса отношений. А это означает, что писать, как раньше, «на деревню дедушке», в смысле обращений к некоей безличной силе, уже нельзя.

Российское экспертное сообщество превратилось по факту в некое подобие ярмарки, на которой кроме хлебного, свиного, калачного и охотного ряда есть еще и экспертный ряд: в нем и оптом, и в розницу, и вразвес торгуют буквами. В качестве продавцов выступают различные экспертные институции, предлагающие на продажу «свежие мозги».

Необходимо отметить, что в подавляющем большинстве докладов их **реальные авторы — это совсем не то же самое, что бренды, под которыми данные доклады публикуются.** Например, если бы Русская православная церковь тоже опубликовала свой доклад о будущем страны, то можно было бы ожидать, что в этом докладе не было бы ни одного священнослужителя, но было бы множество «Глазевых». Сплошь и рядом бренд — это одно, а реальные авторы — что-то совсем другое. Это заметно и в докладе ЦСР, и в докладе ИНСОР.

Почему авторы идут на это? Ответ один: деньги. Деньги — это главный консенсусный момент, поскольку в остальном эксперты друг с другом расходятся очень сильно. Разнятся доклады, как разнятся различные товары на прилавке: бывают — маленькие, но по три, а бывают и большие, но по пять. Все эти ярлычки, либеральные, консервативные, служат для окраски продукта, придания ему рыночного вида. Обсуждать достоинства того или иного продукта — это прерогатива покупателя, который готов платить за продукт деньги, но поскольку у простого человека денег на подобный продукт нет, то его и не интересуют потребительские качества данных товаров.

Естественно, что поток докладов появился в преддверии выборов. Все политические силы худо-бедно должны выйти к народу с какой-то предвыборной платформой. Это на региональных выборах наблюдается торжество политтехнологий, когда смысл того, что реально происходит, отступает в сторону, уступая место либо перекрестным обвинениям во всех смертных грехах, либо отчетным рассказам о достижениях. На федеральных выборах подобное просто не работает. И это чувствуют те, кто стоит по ту сторону прилавка в экспертном ряду.

Однако и народ, и непосредственные потребители продуктов, созданных умами экспертов, выступают в качестве статистов. Когда, например, в НИУ «Высшая школа эконо-

мики» обсуждался Федеральный закон № 94-ФЗ, ни организаторам, ни дискуссионкам, воспитавшим представителей разнообразной ответственности, не пришла в голову идея позвать на это толковище людей, которые, собственно, голосовали за этот закон. Но в том-то и заключается на самом деле главное искусство российской экспертократии. Она не собирается обращаться к партиям, чтобы посредством партий же получать поддержку избирателей в ходе реализации демократической, конкурентной, выборной модели власти. Нет, она обращается к начальникам исполнительной власти, которые продают, скажут — и все остальные возьмут под козырек. Собственно, именно такая экспертократическая модель и является главной угрозой и главным вызовом демократии. Ведь все эти попытки через голову избирателя апеллировать непосредственно к высшему начальнику — это и есть тот самый стиль эпохи, который давно должен быть отправлен в утиль.

Не стоит полагать, что подобное поведение экспертократии — продукт последних трех-пяти лет. Российская экспертократия работала по такому принципу с начала 1990-х годов. Некоторые умники для некоторых начальников писали какие-нибудь проекты, потом начальники эти проекты продавливали через те или иные институты. А потом с удивлением обнаруживали, что нечто, красиво выглядящее на бумаге, не работает на практике. Именно в промежуток 1991—1993 годов у элиты возникло устойчивое представление о том, что народ к демократии не готов и что мы должны вести его к счастью, не особо спрашивая, чего народ хочет. Именно тогда заработала экспертократическая мельница, которая действует и по сей день. Единственная сила, которая может сломать данную систему, — это партии. Именно в развитии многопартийной системы и обнаруживается главный вызов этой сложившейся модели. ■

Специально для РЖ